

ЧАСТЬ I. ПЫШКА

Звери тоже люди, только говорят на своем языке и ходят на четырех ногах!
Дерсу Узала

СУШЬ. БЕСКОРМИЦА

За два месяца нещадно палящего солнца земля так иссохла, что даже трава пожелтела. Местами она вообще исчезла, как будто спряталась от зноя. За все это время на выбеленном небосводе не появилось ни облачка. Изредка налетавший ветерок не ослаблял жары. Речка превратилась в длинную галечную ленту. Лишь кое-где между камней сочились вялые струйки.

Умолкли птицы. Одни стрекозы неподвижно висели в сухом мареве, да звенели на пожухших стеблях неугомонные кузнечики. Разогретые солнцем кедровые ветки источали густой смоляной дух. А над куртинами болотного багульника стоял такой дурман, что человека, попавшего в эти невысокие заросли, вскоре начинал одолевать сон. Задержишься на такой полянке — останешься на ней навеки.

Зато исчезли комары и гнус. Правда, на смену им появились кровососы полхлеще: тучи слепней и оводов. Но эти атаковали только днем, и с наступлением сумерек можно было передохнуть.

Пышка спасалась от жары на дне тесного ущелья, заваленного камнями. Поскольку солнце заглядывало в него мимоходом, всего на пару часов, не больше, здесь всегда царили полумрак и прохлада. Россомаха выбиралась из него лишь для того, чтобы утолить голод. К сожалению, вылазки все чаще оказывались безрезультатными: изнывающая от зноя и безводья тайга почти опустела. И до засухи-то живности в этот год было меньше чем обычно. Еще зимой небывалые январские морозы и обильно навалившийся в феврале снег сильно подкосили численность животных и птиц. Боровую дичь подвел случившийся ранней весной обильный дождь. Следом, как это часто бывает в этих краях, ударил мороз, закупоривший под ледяной коркой большую часть ночевавшей в снегу птицы. Пережившие зиму олени откочевали на много сот километров на восток. Рыба, предчувствуя засуху, скатилась в Большую реку еще в начале лета.

У Пышки, правда, были два праздника для живота. Первый — весной, когда начал таять снег. Росомахи по своей природе санитары: не брезгают ни падалью, ни мясом с душком. И когда стали вытаивать туши погибших в зимнюю бескормицу зверей — оленей и более мелких животных — у росомах отпала необходимость заботиться о пропитании. Понимая, что подобное изобилие не вечно, Пышка часть падали разнесла по «кладовым». Чтобы мясо дольше сохранялось, устраивала их в самых тенистых местах.

Второй такой праздник случился, когда с юга полетели к северным гнездовьям утки. Они шумными стаями садились ночевать на мелководные заводи. Порой пернатых было так много, что над водой стон стоял. Вот уж попирировала тогда росомаха. Ловила просто: ночью сталкивала в воду кусок коряги и, спрятавшись за ней, незаметно подплывала к дремавшим птицам. Оказавшись рядом, хватала ту, что поближе. Но никто из птиц не остался в этих краях, не свил гнезда — наверное, тоже чуяли надвигающуюся сушь. Росомаху какое-то время выручали сделанные весной запасы. Когда они кончились, Пышка, шныряя по лесу, обнаружила за речным прижимом в глубокой яме множество мелкой рыбешки. В тот день она наелась до отвала, но через несколько дней рыба закончилась.

Прорыскав безрезультатно по лесу еще пару дней, росомаха поняла, что из этой пустыни пора уходить. Подчиняясь внутреннему голосу, она направилась к синему вдали острозубому хребту, за которым каждый вечер пряталось раскаленное светило.

Перевальной седловины Пышка достигла за два перехода. С нее открылась обнадеживающая картина. В отличие от оставшейся за спиной иссушенной и выжженной солнцем тайги, здесь, под сенью зеленой чащи, в прогалинах между деревьев колыхалось на ветру густое разнотравье, цвели ромашки, иван-чай. Хрустальный перезвон воды, текущей под камнями, вплетался в пение лесных птах. Пышка повеселела — дожди не обошли эти места.

По дну ложбины росомаха спустилась к ручью, бегущему на север. Жажда так измучила бедное животное, что, припав к чистой ключевой воде, росомаха пила и пила. Утолив жажду, продолжила путь. Чтобы не продирается сквозь таежный бурелом, пошла берегом. Ключ, торопливо сбегая по дну ущелья, собирал дань с каждой ложбинки и как-то незаметно окреп до размеров небольшой речушки.

Как и все росомахи, Пышка тоже предпочитала отдыхать днем. Выбрав место в тени дерева, она прилегла. Рядом бойко лопотал вытекавший из распада родничок. В месте его впадения в речушку образовалась небольшая заводь. В кутерьме ярких солнечных бликов было видно, как в ней снуют стайки мальков. На дне лежал массивный топляк. Приглядевшись, Пышка различила колышущиеся по его бокам плавники. Неужели таймень? Выступающий из воды краешек хвоста подтвердил: точно, он! Да какой крупный!

Лениво пошевеливаясь, «северный крокодил» охлаждался в родниковой воде. Но, как вскоре выяснилось, затаился он тут неспроста.

На берег опустилась стайка куропадок и принялась склевывать мелкие камешки. Вдруг вода вспучилась — из нее вылетела зубастая пасть. Схватив зазевавшуюся птицу, она тут же исчезла в воде. Куропатки дружно перелетели на соседнюю излучину и как ни в чем не бывало продолжили прерванное занятие. Вскоре одна из них стала обедом и для Пышки.

Сытая росомаха весело поскакала по берегу речки дальше. Вскоре лесистые склоны раздвинулись, и перед ней открылась гладь большого озера. Слева в него обрывались высокие гранитные кручи с зелеными островками кедрача. Справа — пологий берег, заросший ельником.

Скалы, деревья, отражаясь в зеркале озера, казались опрокинутыми в него — до того тиха была вода, неподвижен и ясен воздух. Золотистые блики солнечной дорожки делили водоем на две части. Нет-нет да кое-где плескнется рыба. В устье речушки табунились, касаясь спинными плавниками поверхности воды, ленки. Росомаха кровожадно облизнулась, но рыбу было не достать: слишком далеко от берега. Пролетел длиннохвостый, тупой спереди ястреб. Скосив серповидные крылья, он заложил крутой вираж и со свистом пронесся прямо над Пышкой. От неожиданности росомаха невольно втянула голову в плечи.

На противоположном берегу виднелось несколько надломленных ветром столбиков. Приглядевшись, Пышка сообразила, что это дым, и поднимается он из таких же, как у лишившего ее хвоста двуногого, построек, только большего размера. — Было их очень много. По открытой воде оттуда доносились крики птиц, бляние коз, густое и протяжное мычание коров, напоминающее рев сохатых.

«Вот где можно пожить!» — обрадовалась росомаха и поспешила на разведку. В низменном чернолесье наткнулась на пахучие метки сородича. Вон и отпечатки его лап. Самец! Крупный!

«Ого! Неплохо бы познакомиться*», — подумала Пышка и продолжила путь.

Логова двуногих были уже хорошо видны. Первый ряд тянулся вдоль берега, остальные, разделенные широкими тропами, проходили в отдалении. Возле каждого большого строения были еще и маленькие. Все они огорожены тонким сухостоем.

Дальше идти было опасно. Росомаха взобралась на разлапистую сосну и стала наблюдать за крайним, самым ближним к ней, двором.

Возле небольших построек прохаживались утки, копошились, похожие на капылух, куры. За оградой паслись козы.

— Как много еды! — радовалась, предвкушая хорошую добычу, Пышка. Но она понимала, что вылазку лучше отложить до темноты: сейчас туда-сюда сновали двуногие, правда, без разящих громом палок. Пробегали собаки: белые, черные, рыжеватые и пегие, с закрученными в кольцо хвостами.

«Надо дождаться темноты», — решила она.

Солнце послало последний луч света и скрылось за обугленными зубцами. Сумеречная мгла незаметно заполняла, растворяла все вокруг. Когда совсем стемнело, монотонно зарокотал какой-то, похоже очень большой, зверь. Из проемов построек полился золотистый свет. Но больше всего росомаху изумили ярко вспыхнувшие на макушках высоких «сухостоин» маленькие солнышки. Когда рокот прекратился, они погасли и все погрузилось во тьму. Дождавшись полной тишины, Пышка, глядяваясь в черные силуэты построек, опасливо прокралась к ограде, переплетенной цепкими, шершавыми плетями хмеля. Среди доносившихся со двора запахов свежего навоза, душистого сена, псины один показался ей особенно знакомым. Так пахло от двуногого, который своей огнебойной палкой лишил ее хвоста. Пышка вспоминала его с неприязнью всякий раз, когда надо было укрыть нос от кровососов. Да и маневрировать на бегу стало намного сложнее.

Это встревожило росомаху. Она замерла в нерешительности, но близость богатой поживы приглушила страх. Найдя в ограде, перевитой плетями хмеля, удобную лазейку, Пышка осторожно протиснулась в нее и оказалась... у собачьей конуры. Чутко дремавшая Динка высунула голову. Кольнув росомаху острым взглядом,

---

* Брачный сезон у росомех, как и у соболей, растянут с мая по август, но максимальная интенсивность спаривания приходится на июль. Потомство же, благодаря паузе в развитии эмбрионов, рождается преимущественно в феврале-марте.

собака признала зловредную вонючку, но атаковать не решилась и ограничилась оглушительным лаем. Ее тут же поддержали соседские псы. Заливистый гвалт волной покатылся по селу.

Росомаха тоже опознала старую знакомку: зимой это ее она обрызгала струей мускуса. В человечесем логове тем временем затеплился свет. Пышка юркнула обратно и поспешила под защиту леса. Она была испугана и расстроена постигшей ее неудачей. Но вскоре эти чувства сменились злостью на собаку и ее хозяина: сначала они лишили ее хвоста, а теперь еще охоту испортили. Остаток ночи росомаха провела на мысу, острым клювом вклинившимся в озеро. Вытянувшись на щербатой плите, хранящей дневное тепло, она раздраженно прислушивалась, как перебрехиваются и подвывают встревоженные псы. Чем дольше слушала, тем сильнее крепло в ней желание досадить обидчикам.

Когда солнце позолотило морщинистую кору вековых кедров и заставило свечами вспыхнуть белые стержни берез, Пышка вернулась на свой наблюдательный пункт и весь день терпеливо следила за происходящим в селении. Самцы двуногих по большей части подолгу сидели у ограды, самки же ходили к реке, мыли в ней разноцветные шкуры. Некоторые шли на поле, где колотили палками вокруг зеленых кустиков с белыми цветами. Колотили так, что поднималась пыль. Одни детеныши копошились на куче с песком, другие с визгом и криками гонялись друг за другом.

Вот и белоголовый обидчик вышел из своего логова. Пройдя мимо построек к заросшему невысокой травой холмику, он скрылся. Появился уже с чем-то красноватым в руках. Сколько ни напрягала зрение росомаха, она никак не могла разобрать, что это. Подсказку принес ветер.

«Ого! Да это мясо! — Пышка судорожно сглотнула обильную слюну. — Оказывается, двуногие тоже устраивают схроны в земле! Ну что ж, ночью наведаться!» — «улыбнулась» она.

Человек скрылся в логове, но ненадолго. Вскоре он вынес миску и поставил ее перед конурой. Рыжая псина с жадностью набросилась на еду.

А белоголовый, походив по двору, вышел за ограду и сел на сухое бревно под березой. Засунул в рот белую трубочку и стал время от времени выпускать изо рта клубы дыма.

Пышка была поражена: «У этого двуногого даже маленькая трубочка изрыгает дым и огонь! С ним надо быть поосторожнее».

Ночью, когда стихла вялая собачья перебранка, росомаха спустилась на землю и прокралась при дрожащем свете звезд к холмику на поляне. Ей не терпелось добраться до мяса. Обойдя схрон вокруг, нашла спуск. Он вел к обитой шкурой двери. Сквозь узенькую щелочку струился будоражащий аромат. У Пышки внутри все затрепетало. Она была готова на любой подвиг, лишь бы проникнуть в скрытый за дверью мясной клад. Осторожно спустившись по трем дощатым ступенькам, Пышка толкнула дверь. Та не поддавалась. Хищница навалилась плечом — и это не помогло. Как быть?

Запустив в щель когти, росомаха потянула дверь на себя. Она чуть подалась, но дальше не пускала железка с загнутым «клювом». Росомаха осторожно дотронулась до нее. Убедившись, что та не опасна, потихоньку, чтобы не разбудить собаку, стала дергать ее во все стороны. В какой-то момент железка вышла из скобы и безвольно повисла.

Щель сразу расширилась. В образовавшийся проем на Пышку хлынула такая густая волна заячьего духа, что у нее перехватило дыхание. Голодный зверь был вне себя от счастья — за дверью оказалось столько мяса, что будущее представилось в самом радужном свете...

ГРАБЕЖИ

Царил полдень — знойный, тихий. Погруженный в маревую дымку лес как будто колыхался. На скамейке у ворот, под ажурной тенью березы, привычно сидел, небрежно зажав между двух пальцев самокрутку, дед Ермил. Лоб и заросшие колочей щетиной щеки блестели от пота, словно намазанные салом. Изнывая от жары, он то и дело отирал рукавом рубахи выступающий бисер пота и отмахивался от налетавших слепней.

Попыхивая дымом сквозь густые, прокопченные до желтизны усы, старик поглядывал то на копошившихся в пыли куриц, то на осанистого петуха, то на щиплющих траву ослепительно белых гусей, то на пробегавшую с гиканьем ребянтю. От всех этих картин в душе Ермила Федоровича царило умиротворение, которое враз разрушило приближающееся причитание:

— Господи, за что ж така напасть?! Убыток-то какой!

Калитка распахнулась: к нему семенила разгневанная старуха.

— Скока можно дымить. Ты почто дверку в ледник не затворил? Уж все запотело и отмякло.

Ермил Федорович недовольно вскинул глухаринные брови: — Че расшумелась! Лишь бы ругаться. Не был я седня там!.. Сама небось не заперла... Докурю, гляну...

Спустившись по ступенькам в ледник, дед сразу почувствовал, что в нем и впрямь заметно потеплело. Запалил свечку. Когда глаза привыкли к полумраку, оглядел запасы. У дальнего края за дощаной стенкой лежала вперемежку со льдом нарубленная кусками лосятина — сын дал, ближе к двери возвышалась гора набитых зимой тушек зайцев. Только вот брезент, прикрывавший их для лучшего сохранения холода, почему-то лежал на проходе. Подняв его, промысловик увидел погрызенную заячью голову. Самой тушки не было.

— Вот это да тебе! Кто ж так похозяйничал?

Выразительно выругавшись, старик вышел и накинул на ушко крючок, а для верности подпер дверь еще колом.

Утром, выгнав корову в стадо, он заторопился к леднику. Все запоры — на месте, следов на росной траве нет. Вот и славно!

В следующие два дня дед не выходил из дома: ноги опять скрутило. Беспokoясь за припасы, он отправил к леднику старуху. Там все было в порядке. На третий, как только полегчало, поковылял к леднику сам. Вот тут его взору предстала картина возмутительного по наглости набега: дверь снизу прогрызена, на земле желтели щепки, кусочки древесины, а заячьих тушек явно поубавилось. По мускусному запаху было ясно, что тут похозяйничала росомаха.

— У-у-у, паскуда! — загудел старик, потрясая костлявым кулаком. — Ну, погоди, мы тоже не лыком шиты! Посмотрим кто кого!

Исторгая все известные ему мудреные русские изречения, он принес из сарая двухпружинный капкан с цепочкой и потаском на конце. Спустившись к двери, заткнул пуком сена дыру, а капкан установил в выкопанную перед ней ямку. Сверху слегка притрусил травой.

Росомаха повторила набег лишь на четвертый день.

Перед постоянно проверявшим ледник стариком предстала ужасная картина: дверь прогрызена теперь с другого края и из дыры идет тошнотворный запах. Распахнув дверь, он увидел на заиндевевых заячьих тушках несколько расплывшихся желто-коричневых пятен. Ермил от ярости заскрежетал остатками зубов.

— И чего она прицепилась ко мне? Неужто та, что зимой ранил? Надо Динку тута привязать. И как это я раньше не смикитил? Эх, старость не радость!

Но лишь только он подвел собаку к леднику, она, жалобно скуля, стала что было сил упираться. Вырвавшись, убежала и не появлялась во дворе до следующего дня.

Проклиная все на свете, старик зашагал прямо через огороды к дому младшего сына — Степана, работавшего в госпромхозе охотоведом. Пospел в самый раз: тот, сидя на нижней ступеньке высокого крыльца, натягивал кирзовые сапоги. При этом уворачивался от поджарого, белой масти кобеля с черными «сапожками» на лапах, пытавшегося лизнуть его лицо. Когда псу это удалось, загнутый кренделем хвост от восторга заходил ходуном.

Степан потрепал загривок Мавра с нежностью, никак не вязавшейся с его суровым обликом. Ястребиный нос, густая, черная, с едва наметившейся сединой, борода и усы придавали его лицу угрюмое выражение. Взгляд зеленоватых глаз из-под нависших косматых, точь-в-точь как у отца бровей был настороженным и цепким. Степан был до того высок, что в иные избы ему приходилось входить пригнувшись.

— Доброго здоровья, сынок. Дело есть! — Ермил зачем-то помял мясистый, с красными прожилками нос и продолжил: — В общем, так: росомаха повадилась зайцев таскать из моего ледника. А ноне вообще все мясо испоганила. Така вонь — дышать невозможно! Без мяса оставила! Подсоби изловить али пристрелить воровку. Хитрющая, зараза, и ничего не боится! Запор поставил — дверь прогрызла. Капкан насторожил — обошла.

— Да-а, батя! Не повезло тебе. Признавайся, где ей насолил?

— Да было дело... Ранил в конце сезона одну.

— Вот она и сводит счеты.

— Так тем паче изловить надо.

— Ладно, не паникуй, поймает твою обидчицу. У меня с прошлого года заявка на животолов росомахи лежит. Вот с семинара по новому учету вернусь и займусь...

Отец недовольно закричал, сдвинул ершистые брови:

— Япона мать! Так она ж к тому времени не токмо припасы, но и всех курей прикончит, а бабка меня. Коль страх потеряла, скока еще напакостит... Знаешь же, росомахи на башку от мороженые, хуже медведя. Отец сказывал, что как-то собака ему склад росомаший нашла. Сорок куропаток насчитал... И эта не успокоится, покамест не перетаскает все.

— Извини, батя, но по-другому никак. Семинар важный — не поехать не могу. А чтоб кур не трогала — не запирай ледник. Мясо все одно порчено.

Ермил в сердцах затоптал брошенный окурочок и, не попрощавшись, ушел.

ОХОТА

Получилось так, что на летний учет зверей собрались только через две недели.

Осторожно, чтобы не разбудить своих женщин, Степан пробрался на кухню. Выпил вприкуску с хлебом простокваши. Снял со стены ружье. Отработанным движением приложил его к плечу и, прижавшись правой щекой к ложу, мгновенно поймал мушку.

Двудулке этой не было цены. На вид невзрачная, зато легкая, с резким, кучным боем. Да охотовед и не гонялся за красотой. Наоборот, не чистил стволы снаружи, чтобы не блеснули на солнце и не выдали его присутствия. Зато внутренность содержал в идеальной чистоте: концентрические кольца сияли так, что смотреть было больно.

В лесу Степан всегда больше всего ценил не добычу, а возможность понаблюдать за жизнью ее обитателей, почувствовать себя своим. Закончив школу, он не колебался в выборе профессии — поступил учиться на охотоведа.

Подхватив приговоренный рюкзак, Степан вышел во двор.

— Чего, брат, грустишь?! Вставай, в тайгу идем.

Остромордая лайка недоверчиво приподняла голову. Увидев на плече хозяина ружье, преобразилась: глаза загорелись, закрученный в кольцо хвост заплясал из стороны в сторону. Теперь уже Мавр поторапливал: поскуливая и нетерпеливо переминаясь с лапы на лапу, подгалкивал Степана к калитке.

Заря едва подсветила восточный край неба, а промысловики уже собрались возле бревенчатой конторы госпромхоза. Выходить на летний учет зверя и дичи следовало затемно: появится солнышко — и следы на росной траве исчезнут.

Мужики курили и оживленно обсуждали самый наболевший вопрос: будет дождь или нет? Наметившаяся с вечера облачность давала какую-то надежду.

Недовольные затянувшимся ожиданием собаки грызлись между собой. Особенно старался черный кобель Олега Макаровича — одного их старейших штатных охотников. Правое разорванное пополам ухо драчуна свисало к надбровью, а второе высоко торчало. Это придавало его морде обманчиво-добродушное выражение. Оно-то и сбивало всех с толку. Когда он начинал чересчур буйствовать, Макарыч одергивал: «Уймись, Тайфун! Кому говорю! Уймись!» Тот в ответ подбегал и с виноватым видом терся о голенища сапог. Вторая лайка Макарыча, гордая своими шароварами и закрученным в полтора кольца хвостом, держалась особняком, в грызне не участвовала.

Самого Олега Макаровича селяне зачастую величали Поддубным. Природа скроила этого человека по особому заказу: широкая грудь, кряжистый торс, узловатые руки, бычья шея.

На учет вышло семь бригад. Каждая должна пройти по три маршрута и отметить на карточках обнаруженные следы и места визуальных встреч с животными, боровой птицей. Степан, кроме Макарыча, взял в свою бригаду прибывшего на практику долговязого студента Васю, голубоглазого, по-мальчишески нескладного паренька с огненно-рыжими вихрами.

***

Похожие на взгорбленных медвежат росомахи бежали, приныривая, вверх по долине ручья. Судя по размерам, самец с самкой.

Увидев людей, они проворно скрылись.

— Подождем. Если сразу гнать, могут бежать весь день, — тормознул спутников охотовед.

— Странно, что две росомахи... Ты про одну говорил, — обернулся к Степану Макарыч.

— Так гон начался. Вот и спарились. Когда вдвоем, они не так чутки. Потому нас и зевнули. Похоже, пришлые, из-за хребта — там нынче сушь небывалая.

— Как это я сразу не сообразил, — подосадовал промысловик. — Слушай, Степан, мне показалось или нет? Одна, кажись, без хвоста.

— Точно, без хвоста! А я подумал: поджала, что ли?

— А разве росомахи без хвостов бывают? — удивился студент.

— Всякое бывает. Есть же люди без ноги или без руки, — откликнулся охотовед. — Могла в драке потерять. Для этого зверя авторитетов нет. Прет как танк: или победит, или погибнет. Одна может у стаи волков добычу отнять.

— Нам на лекции еще говорили, что росомаха страшно прожорлива. С латыни ее название так и переводится — обжора!

— Ну, как сказать, — замылся Степан, — на мой взгляд, это утверждение неверно. Судя по размеру желудка, она вряд ли способна съесть больше четырех килограммов. Так про росомаху говорят, скорее всего, потому, что она большую часть добычи растаскивает по схраонам. Кстати, названий у нее много. У норвежцев — «горный кот», у финнов — «обитатель скал», у шведов — «отважная». Вот и решай — кто же она на самом деле.

Охотовед подвел Мавра к месту, где скрылась парочка, и приказал:

— След!

Пес старательно все обнюхал и молча понесся в чащу. Собаки Макарыча бросились вдогонку.

— Студент, а сейчас слушай лай! — прокричал на бегу охотовед. — Его характер о многом говорит. Умная собака, когда нагонит зверя, лает сначала негромко и редко, чтобы не напугать его и в то же время привлечь внимание хозяина. Когда хозяин подходит, лай становится громким, азартным и злобным, — на бегу учил практиканта Степан.

Вскоре донеслось подзывистое подвывание. Учетчики, привычно лавируя между деревьями, бросились изо всех сил на голос, в котором стали пробиваться нотки охотничьей страсти: знали, что медлить нельзя — когтистая и верткая росомаха способна серьезно покалечить собак.

Загнанных в бурелом зверей псы облаивали, давясь от ярости. Вдруг все трое с визгом отпрянули. Это угрюмый кавалер Пышки, задрав хвост, выпустил в собаку желто-коричневую струю. Псы от едкого, нестерпимого смрада принялись, жалобно скуля, тереться мордами о траву. Больше всех досталось Мавру: часть жидкости угодила ему прямо в нос.

Вонючки же, пользуясь моментом, скрылись. Собаки, чувствуя вину, прятали от стыда глаза, заискивающе виляли хвостами, но по следу пошли только после окрика.

Весь день, изнемогая от духоты, они мотали звероловов по буреломному лесу. Сами измучились — дышали надсадно, словно запаленные жеребцы, и хозяев умурили. Возьмут след, пробегут сто-двести метров и теряют его.

— Штоб вас волки съели! — сердился Макарыч.

— Чего зря ругаешься. Росомахи ж им нюх попортили, — заступился за собак Степан.

Не забывая об основной работе, учетчики на ходу обозначали карандашом на плане в карточках встречавшихся зверей и дичь. Кого-то видели визуально, кого-то определили по следу, кого-то по свежему помету. Чаще всего появлялись пометки «рябчик», «заяц».

— Медвежьи задиры! Степан Ермилович, смотрите! Медвежьи задиры! — восторженно завопил Вася, показывая на разодранную когтями сверху вниз кору пихты с потеками смолы.

— Хвалю! Приметливый! — похлопал его по плечу охотовед. — Только не надо так шуметь: зверь пугается. В нашем деле главное — выдержка... Глянь, а на этом стволе задиры еще выше. Представляешь, какой громила тут ходит!

Под вечер, сплошь облепленные репейниками, собаки уверенно вывели охотников на галечную излучину, но тут опять скололись со следа и растерянно забегали по прогретым за день камешкам. Сделав несколько кругов, каждый шире предыдущего, лайки, вывалив языки, встали. Мавр вообще был близок к отчаянию: тошнотворный запах росомашьей струи заглушал все прочие. Собакам Макарыча тоже повсюду чудился запах росомах.

— Чего глазами лупаете?! Облапошили они вас, пустобрехи! — подтрунивал Степан.

— За речкой озеро с островом, вокруг зыбуны. Место крепкое, скорее всего туда и умотали.

— С утраца проверим, а сейчас ночевку пора ладить.

— Степан, может, ко мне — тут недалече. Версты две, не боле, — предложил бывалый промысловик.

— А что? Хорошая идея! Пошли.

БЕСЕДЫ

Наполовину вросшая в землю избенка с почерневшими венцами и односкатной, с широким напуском, крышей стояла посреди елани, зажатой между лесистым отрогом и бойким ключом. У южной стены — поленица крупно наколотых дров. Одна из тропок сбегала мимо неохватных сосен и лиственниц прямо к каменистому ложу ручья. Когда подходили к зимовью, с березы слетела парочка рябчиков. Спланировав в разные стороны, они задорно засвистели.

— Узнали сорванцы! Всю зиму подкармливаю. С ими хорошо! Вон как чисто трельку выводят! — потеплвшим голосом пробасил Макарыч.

Дверь в избушку была открыта настежь и подперта колом: для проветривания. Внутри сумрачно и прохладно. Углы тонули в полумраке. Маленькое подслеповатое оконце едва освещало стол и прокопченные за многие годы венцы. С обеих сторон стола — нары из толстых деревянных плах, застеленных лосиными, уже изрядно потертыми шкурами. Слева — железная печь. Вдоль стен — полки с посудой, мотками веревок, правилки. Под потолком — перекладина для сушки одежды, на крючьях мешочки с крупой, сухарями.

Чтобы не нарушать царящей здесь прохлады, ужин готовили под открытым небом. Горячие струи воздуха, поднимающиеся от костра, мерно покачивали темные ветви обступавших сосен. Уставшие собаки повалились тут же, расслабленно вытянув лапы. Задремавший Мавр и во сне продолжал охотиться: бил хвостом, хрипло рычал, будто бежал за зверем.

Поели, помыли посуду, а чай, заваренный на листьях зверобоя и смородины, пошли пить, спасаясь от кровососов, в зимушку. Макарыч с трудом протиснулся сквозь узкий дверной проем.

— Когда рубил — худой был, — оправдывался он.

— И как давно рубили? — полюбопытствовал практикант.

— Давненько. Ты, поди, и не родился ишшо.

Поскольку уже стемнело, пришлось зажечь свечку. Только тогда увидели в колеблющемся пламени листок, припиленный ножом к стене.

— Кто-то гостил. — Макарыч снял записку и протянул практиканту. — Прочти, очки дома оставил.

— «Федор, благодарствую за приют. Этот нож за глухаря. Грешен, не устоял, подстрелил на твоём участке. Не серчай. Обнимаю. Лукьян».

— Молодец! По-честному, не утаил, — похвалил охотовед.

— А то как же. Обманешь — фарт уйдет, да и покоя на душе не станет. По-честному-то жить оно приятней.

— Что верно, то верно! Чистая совесть — главное в жизни! — согласился Степан, лохматя пятерней жесткие кудри так, что из них посыпался лесной мусор.

По давно установленному обычаю на уже занятом участке другие промысловики не охотились. Это добровольное размежевание угодий добросовестно ис-

полнялось. Права соседей не нарушались. Избушки и лабазы не знали замка. Их охраняло уважение к старому, выработанному веками порядку.

— Олег Макарович, а можно вопрос? — подал голос Вася.

— Валяй, студент! — пророкотал промысловик.

— У вас вот шрам на шее. Это не медведь?

— Рази это шрам?! Так, царапина. Шрам вот! — Макарыч засучил рукав и показал бугристые лиловые борозды. — Правда, сам виноват. Миша в берлоге обычно головой на юг ложится — такая манера у него. А мы с Лукьяном поторопились. Давай тыкать не с той стороны. Вижу, снег вздувается и выскакивает с ревом черная туча. Руку с жердиной схватила пастью и давай трепать. Слава богу, собаки насели с двух сторон, отвлекли. Тут уж Лукьян не оплошал — с одного выстрела уложил.

— Хорошие у вас лайки, спасли.

— Плохих не держим.

Допив чай, Макарыч ладонью смел со стола крошки и отправил их в рот. Вася же не унимался:

— А правда, что медведь в берлоге лапу сосет?

— Брехня! Семерых брал, лапы у всех сухие, — степенно ответил промысловик. — И еще, учти на будущее: Потапыч не такой увалень и простодыра, как в книгах пишут. Ловок и быстроног, чертяка. А уж голова-то как работает! Прошлой осенью с одним долго разбирался. Иду, значит, по путику, капканы проверяю. Где подновлю, где новые поставлю. Вдруг вижу, след мой стал почему-то больше. Метров двести так. Потом опять нормальный. Что за наваждение?! Повернул назад, приглядываюсь к «стаканам». Только тогда дошло — это ж медведь по моим следам протопал.

Я вперед вернулся и там, где след перестал быть широким, сделал круг. Смотрю, в метрах шести за кустами — снежная ямина. Представляешь, докуда эдакая махина сиганула. Потом — еще одна. Дальше уже шагом. В гору почесал. Там под стлаником пустот полно — для берлоги удобные места. Ну, думаю, завтра с собаками приду и добуду. И что? — Тут Макарыч сделал многозначительную паузу. — Наутро выпал такой снег, что все скрыл. Вот ведь какая башковитая зверюга: знает, когда ложиться.

— Недавно прочитал в журнале, будто росомаха — это медведь-лилипут.

Степан невольно покачал головой:

— Ну и загнули, ребята! Конечно, росомаха похожа на медвежонка, но относится все-таки к семейству куньих. Правда, выделена в отдельный род — росомахи. Среди куньих она самая крупная. Зоологи ее еще гигантской куницей называют. Так что ее не лилипутом, а Гулливером правильной будет величать.

Какое-то время пили чай молча.

— А вы, Олег Макарович, как промышлять зверя предпочитаете? Капканом или гоном, — нарушил молчание Вася.

— Ловушками, конечно, поуловистей, но в угон намного весельше. Это и промысел, и азарт. Хоть и тяжело вдругоряд, зато удовольствие.

Тут Вася повернулся к охотоведу:

— Я заметил, что у зверей в глазах всегда печаль таится. Как вы думаете — почему?

— Бог его знает... Может, оттого, что век их короток, а может, нас бояться.

Так, кружка за кружкой, тянулся разговор.

— Василий, а теперь ты расскажи нам чего-нибудь. Тебе ведь на следующий год диплом писать. Тему-то выбрал? — обратился к пареньку охотовед.

— Мой руководитель предложил проанализировать результаты акклиматизации уссурийского енота, вернее енотовидной собаки, в нашей области.

— Хорошая тема. Всегда важно знать, что дало местной фауне появление нового вида. Бывают ведь и негативные последствия. Вон на Огненной Земле в середине пятидесятих годов выпустили пятьдесят бобров, а сейчас их численность перевалила за четыреста тысяч. Теперь ломают голову, как спасти от этих «дровосеков» леса... А про енотов я одну потешную историю могу рассказать. После третьего курса на Дальнем Востоке, на реке Иман, практику проходил. Так там в августе, когда начинаются муссонные дожди, паводки случаются похлеще весенних. В тот год вода особенно большая была, и мы с егерем на лодке островки обследовали. Спасали тех, кто не успел уйти.

Видим, на одном енотовидные собаки жмутся. Вода уж у ног, а они возле затопленных нор стоят, трясутся. Подплываем к ним. Бедолаги обрадовались, забегали туда-сюда, но в лодку лезть боятся. Для вида зубы скалят. Егерь выбрался на берег и на них так рывкнул, что иные сразу в обморок попадали — до того пугливые. Тем, кто устоял, пинком для остратки слегка поддал. Они брык — и лежат, словно околели. Бери за шиворот и делай что хочешь. Потеха!

Шестерых в два мешка растолкали, а седьмой не поместился. Пришлось положить прямо на дно и на морду куртку накинуть. Плывет лодка, покачивается, уключины скрипят — страшно енотам, не шевелятся. Ежели вдруг и заворочается какой, егерь топнет: «А ну!» — и мешок вмиг цепенеет. А тот, который на дне, знай себе, под куртку тычется — прячется, стало быть. Выбрали берег повыше, выпустили. Разбежались кто куда: искать незанятые норы, рыть новые. А мы опять по островам.

Уже в сумерках высмотрели енота огромного, прямо бочонок, только на ножках. Так он сам в лодку прыгнул. Выпускать его егерь не стал. Жену решил разыграть. Вошел в дом, развязал мешок и вытряхнул енота на пол. Супруга, как обычно, набросилась:

— Ты чего? С ума сошел? Только мокрой псины в доме не хватало!

От ее крика енот брыкнулся без чувств.

— Вот, видишь, — говорит егерь ей, — дикий зверь, а от твоих криков сразу очоурился. Каково же мне с тобой бок о бок столько лет жить?

— Не молодец! Надо ж такое удумать, — давился со смеху Макарыч. — Мою старуху бы так припугнуть, чтоб не ворчала лишка... Отменный ты, Степа, рассказчик и вообще правильный мужик. Уважаю! Опосля учебы домой вернулся, не то что мой дурень. Того, на модный манер, «урбанизацией» контузило. Не понимаю, как он в тех бетонах живет?! Вода невкусная, воздух грязный, шум, толкотня. По мне, самая лучшая крыша — небо, лучший дом — густая ель. Сегодня под одной заночевал, завтра под другой. Простор! Красота! Дышать сладко!

— Это верно! Тайга — воля! Город — тюрьма! — согласился Степан.

— У нас и народ не такой порченый.

— И то правда! Люди посовестливей. А городские что?! Привозил мой начальник одних. Вооружены до зубов: карабины с оптикой, приборы ночного видения. Не охота, а убийство ради забавы.

— Так вы же тоже убиваете, — робко заметил Вася.

— Тут, студент, большая разница. Они убивают ради удовольствия, а мы для пропитания семьи. Убивать ради удовольствия — грех.

— Зачем же тогда росомах выслеживаем? Их ведь не едят.

— Мы и не собираемся их убивать. Для зоопарка ловим. Пусть городские увидят, какой необычный и редкий зверь в нашей тайге обитает, — вмешался в разговор Степан.

— А по мне, лучше б его не было. Зловредная, шкодливая тварь. Не столько съедает, сколько ворует и портит. Чем их меньше в тайге, тем лучше, — вдруг рассердился, что-то вспомнив, Олег Макарович.

Степан улыбнулся:

— Эх, Макарыч! Полезных или бесполезных зверей не бывает. Каждый для чего-то нужен. Рососомаха-то, как раз, очень даже необходимый для тайги зверь: собиратель, санитар. Ведь ее главное предназначение — очищать лес от останков погибших, начиная с мыши, кончая сохатым и медведем. А вредничает она только по отношению к людям: мстит нам за убийства. Ты прикинь, сколько зверья каждый год бьется. По мне, рососомаха — борец за справедливость. Так сказать, таежный Робин Гуд. Вот и к бате не случайно она повадилась: он ведь ранил зимой одну...

ОСТРОВ

Затянутое облаками небо едва посерело, а Степан уже кашеварил. Перекусив, загасили костер и вышли на поиски рососом.

Хоть и обмелела речка, на другой берег переходили по огромной, недавно упавшей лесине. Собаки же зашли в воду с радостью. Переплыв, они энергично отряхнулись и умчались в чащобу, где почти сразу взяли след. Он действительно привел к озеру. А если быть точным — к старице, вытянутым кольцом охватывающей продолговатый лесистый остров. Берег — сплошь вязкий ил. Дальше вода, затянутая ряской. В одном месте ряска была разорвана двумя черными полосами — рососомахи переплыли на остров. Бежавший впереди всех Мавр рванул было в горячке к воде, но, с трудом выдирая из ила лапы, отступил. Псы в нерешительности затоптались, заскулили, как бы извиняясь.

— Лапы узкие, не держат. У рососом-то они не по росту велики. Зимой, когда обрастают густым жестким волосом, еще больше делаются: от следов пестуна* не отличишь, — пояснил практиканту охотовед.

— Недалеко отсюда староверская гать была. Мне ее дядя показывал. Пошли, там и перейдем. Только б дерево с зарубкой найти.

Память Олега Макаровича не подвела. Свернув у сосны с затесом, покрытым коростой запекшейся смолы, посохами нащупали гать и прошли по уложенным по дну бревнам на остров. Вышли в аккурат на острый мыс.

— Вы пока тут побудьте. Только собак не отпускайте, а я пройду по берегу, разведу. Не курите и не шумите. Тихо надо, иначе спугнем.

Степан вернулся через час.

— Там, где на ряске были полосы, на берегу обрывки водорослей валяются — нападали, когда рососомахи отряхивались. Следы уходят в сторону взгорка. Весь остров обошел — выходного нет. Значит они где-то там и затаились. План такой: я пройду к противоположной оконечности острова и разведу сети, а вы с собаками ровно через час выходите. Ваша задача: как можно громче стучать, кричать — гнать их на меня. Главное — раньше не стронуть.

В назначенное время Макарыч с Васей, колотя сухими палками по стволам, двинулись вдоль узкого острова. Собаки на поводках поначалу шли молча, но возбужденные необычным поведением людей тоже забрехали на все лады.

Рососомахи отдыхали на скалистом обнажении чуть выше развалин староверческого скита. Услышав крики и лай, они кинулись к дальнему концу острова. Наткнувшись на косо натянутую сеть, побежали вдоль нее. Степан, подпустив их поближе, выстрелил в воздух. Звери в страхе метнулись в разные стороны и,

---

* Пестун — медвежонок предыдущего помета (обычно самка), оставшийся с матерью и помогающий воспитывать (пестовать) медвежат текущего года (сеголетков).

взлетев на ближние сосны, затаились в кронах. От сизого облака порохового дыма в лесу запахло тухлыми яйцами.

Набежавшие собаки окружили приземистое дерево, на которое взобрался Угрюмый и принялись облаивать его. Макарыч произвольно вскинул ружье.

— Берем живыми, — напомнил Степан и, достав из рюкзака мелкочечистую сеть, развесил ее по кустам вокруг дерева. После этого срубил прямоствольную березку и отсек все ветки. На конец жерди привязал петлю из жесткой капроновой веревки.

Подведя ее к отмахивающейся с грозным рыком росомaxe, охотовед ловко накинул петлю на лапу и стянул упиравшегося Угрюмого сначала на нижнюю ветку, а потом и на землю. Макарыч в тот же миг накрыл его солдатским одеялом. В темноте росомаха сразу затихла. Звероловы спеленали зверю лапы, стянули их между собой и, надев на голову черный холщовый мешок, перешли ко второй сосне, вокруг которой уже бесновались, хрипели от ярости лайки.

Эта росомаха взобралась гораздо выше, и Степану пришлось вырубить еще одну березку. Связав гибкие стволы внахлест, он с трудом подвел петлю к зверю. Из-за большой длины жердь играла из стороны в сторону и охотоведу никак не удавалось накинуть «пляшущую» петлю на лапу. Промучившись минут пять, Степан опустил шест, чтобы передохнуть и увеличить размер кольца.

— Уходит! Уходит! — завопил Макарыч.

Прогрел выстрел, следом второй. Все произошло так быстро, что Степан едва успел заметить мелькнувшую в хвое бурую тень.

— Вот шельма! Верхом ушла! Здоровая, а прыгает, что белка! Лишь только ты шест опустил, так она сиганула на ближнюю сосну и пошла, пошла... Чуть успел стрельнуть. Кажись, зацепил.

— Японский городовой! Предупреждал же — живьем берем! — в сердцах ругнулся охотовед.

Звероловы облазили остров вдоль и поперек, дважды обошли его по береговой линии: все пытались найти выходной след, но впустую. Собаки даже ни разу голос не подали. Если бы они умели говорить, то рассказали бы, что пахнет зайцами, куропатками, глухарями, прелой травой, а вот запаха росомахи нигде не было.

— Что за чертовщина?! Ничего не понимаю. Не сквозь землю же она провалилась, — растерянно бормотал Макарыч.

НОЧЕВКА

Сгушающиеся сумерки напомнили, что пора становиться на ночлег.

Подойдя к могучему кедру, Степан объявил:

— Шабаш, товарищи учетчики! — и, сняв рюкзак, осторожно вытряхнул из него росомаху.

Василий разжег костер, повесил на косо воткнутую палку прокопченный чайник, и звероловы разлеглись на толстом слое хвои. Чистые спокойные небеса обуглились в багровом огне заката, и кто-то принялся старательно засеивать их алмазами звезд. Ковш Большой Медведицы склонился к горе и стал поливать ее макушку черной краской.

Пламя выхватывало из тьмы рваные куски леса. Лежать на пружинящей подстилке после трудного дня было приятно. Усталость словно стекала в землю, а в мышцы с небес вливалась сила. Но надо было вставать и идти за дровами, варить кашу для себя и собак.

Управившись с делами, опять устроились у костра. Степан снял с головы росوماхи мешок, чтобы осмотреть ее. Зверь угрожающе заурчал. Это был самец. Бусинки черных глаз горели в бессильной злобе. Не будь лапы надежно стянуты в «букет», саданул бы когтями.

Охотовед подозвал Васю:

— Ну, студент, знакомься с росوماхой. Видишь, голова действительно похожа на медвежью. Но морда более короткая и ушки маленькие, слегка прижатые. А мех намного длиннее. Из-за этого туловище кажется нескладным и массивным. — Степан осторожно провел рукой по спине. — Потрогай, какой шелковистый волос. Он единственный в своем роде: волоски настолько гладкие, что кристаллики инея не оседают на них — сразу осыпаются. Видишь светлую шлею по бокам? Она всегда от плеч до основания хвоста тянется. Поперек лба еще одна светлая полоска. Эта хорошо оттеняет темную смоляную маску вокруг глаз.

— Такой красивый зверь, а в нашей библиотеке ни одной книги про него нет.

— Неудивительно. Про росوماх вообще мало что написано. Они ведь очень скрытные. Ведут столь уединенный образ жизни, что за ними сложно наблюдать. А зверь не только красивый, но и интересный! Многие его качества вызывают уважение. Неумолимый, целеустремленный, бесстрашный. Не пасует ни перед волками, ни перед медведем, но, в отличие от серых, кровь зря не льет: бессмысленной резней не грешит. Росوماха — хищник, но хищник рачительный. Это я и для тебя, Макарыч, говорю, — повернулся к промысловнику Степан.

— Хороша рачительность — шкодят, воруют. Натуральные мародеры! — упрямо стоял тот на своем.

— Чего ты на них так взъелся? Тебе лично что плохого росوماхи сделали?

— Мне, может, и ничего, да люди говорят.

— Говорят, в Москве кур доят, — обрезал охотовед. — Я одно знаю точно: не тронь зверя — и он тебя не тронет. Это не только росوماх касается. Помнишь моего одноклассника Антипа? Он еще живоотловом занимался.

— Как же! Помню. Известный бездельник, прости господи. Ты, наверное, про историю с медведицей?

— Ага.

— Ой, а что это за история? — встрепенулся студент.

— Да ничего хорошего... Это Степан пусть и расскажет, — раздраженно буркнул промысловик.

— На самом-то деле история весьма поучительная... Медвежонок угодил в одну из ловчих ям, а поскольку Антип проверял их редко, малыш в ней помер с голода. Мамаша затаилась поблизости и караулила, пока обидчик не появился. Замяла насмерть... Что ж, теперь будем кричать: «Медведи кровожадные! Людей убивают! Лучше б их не было!» Сам ведь напросился...

Пока шла беседа, собаки чистились. Тщательней всех вылизывался Мавр, но, несмотря на все его старания, едкий запах держался, вызывая у него приступы кашля.

— Что, вонькая зверюга?! Половчей надо быть, — погладил любимца Степан. Лайка слегка вздрагивала под тяжестью хозяйской руки, а глаза светились счастьем и бескорыстной преданностью, свойственной лишь собакам. Мавр боготворил хозяина. Будь он человеком, воскликнул бы: «Что прикажешь, повелитель?» Ради доброго отношения пес был готов на любой подвиг, даже на новую встречу с «вонючкой».

Ночную тишину прорезал густой волчий вой, гордый и уныло-щемящий одновременно. Волк начал снизу и постепенно возвышал тон. Ему ответил потоньше, но полный силы, залиристо-трепещущий. Учетчики замерли.

— Ну, студент, у тебя сегодня хорошая практика. Слушай! Это молодой заявляет о себе. Радуетесь жизни! — шепотом пояснил Макарыч.

Не успели оба воя слиться в слаженный дуэт, как к ним присоединился третий. И вот уже переливается от утробно-низкого до высокого, как туго натянутая тетива, многоголосый хор.

— Воют так, ровно душу вынуть хотят. Сколько в этих «песнях» звериной тоски, какая отрешенность! — произнес Степан.

— У меня прям мурашки по спине забегали, — прошептал Вася и перекрестился.

— А я люблю их арии, — отозвался Макарыч. — Особливо, когда враз несколько завоюют с повизгиванием и подбрехом. Вслушайтесь, это ж целый оркестр. У каждого свой голос. Взрослый воет басом, у волчицы голос выше и пожиже. У самых матерых песня в несколько колен и протяжная.

В это время в волчью песню врезался тонкий, срывающийся на частый, отрывистый собачий лай, визгливый скулеж.

Вася вопросительно глянул на Макарыча.

— Это волчата голос пробуют... А сейчас переярок*... Слышишь, начинает хорошо, а конец не вытягивает — сипит. Если быть внимательным, можно определить, сколько в стае волков и какого они возраста.

— Да, волки — удивительное племя. Умные, организованные. В стае жесткая иерархия и дисциплина. На охоте каждый четко знает свою роль. Но вместе с тем они, как и люди, все разные. Кто-то ленив — ест только то, что, как говорится, само в пасть идет, кто-то жесток — режет не раздумывая и без меры. Для таких убийство — забава. Кто-то верен, а кто-то предаст не задумываясь. Но что у них не отнять — супружескую верность хранят всю жизнь. Трогательно заботятся о потомстве. Если волчица погибает, волк воспитывает и кормит волчат. А сам так и остается вдовцом, — просвещал студента Степан, подкладывая сучья в костер.

— Слышал, будто волчица не защищает потомство, когда люди ее детенышей из логова забирают. Издали молча наблюдает. А как же материнский инстинкт? — вопросительно глянул на охотоведа парнишка.

— Сложный вопрос. Версий много. Возможно, она бережет жизнь, для того чтобы на следующий год дать новое потомство. А может, надеется выследить, куда унесут волчат, и ночью освободить их. Хотя, скорее всего, первопричина — страх. Страх перед человеком. Конечно, странно, что у волков он проявляется в столь гипертрофированном виде. Наверное, сказывается опыт предыдущих поколений. Человек всегда воевал с волками. И те, кто пытался защитить потомство, погибали. Выживали те, кто уходил, — рассуждал Степан. — Между прочим, опытные волчатники никогда не опустошают логово полностью. Одного щенка обязательно оставляют. Если всех взять, то волки этим логовом больше не пользуются. А так каждый год можно урожай собирать.

— Верно Степан Ермилович говорит, — не утерпел, встрял многоопытный Макарыч. — У волков все подчинено сохранению жизни волчицы. Если выхода нет, то волк даже себя может подставить под выстрел. А иной проявляет такую смекалку, что диву даешься. Как-то гнал парочку на лыжах. Впереди волчица, за ней волк. Когда они добежали до поваленного дерева, он ударом лапы сбросил ее под ствол. Завалил снегом и побежал дальше. Не всякий человек до такого додумается, а тут волк!

Встав, Макарыч прошелся взад-вперед, разминая ноги. Потом хитро посмотрел на Васю:

---

* *Переярок* — волк прошлогоднего помета; волк моложе одного года называется *прибылым*.

— Хочешь настоящего матерого послушать?

— Еще бы!

— Погоди чуток, — произнес охотник полушепотом, придавшим особую значительность моменту. Откашлявшись, он сложил руки рупором у рта, придавил горло с обеих сторон большими пальцами, а указательными слегка сжал переносицу, закинул голову и затянул низким басом. Потом забрал повыше, раскрывая ладони. Завершая песню, взял такие минорные ноты, что собаки дружно заскулили.

— Эх, не то! Мощи нет и гнуса мало. Тоски не достает! — расстроился Макарыч, отирая губы. — Давно не вабил.

И тут вдруг завыл Мавр. Это было до того неожиданно, что промысловик чуть не поперхнулся. Выл кобель, высоко задрав скорбную морду. Всем своим видом он выражал непомерную тоску и боль. Пел так выразительно и проникновенно, что сидящие у костра боялись пошевелиться. А кобель Макарыча Тайфун от удивления или страха поджал хвост и забился между котомок. В это время Мавр взял такую ноту, что у людей по спинам пробежал озноб. Пес при этом закатил глаза и весь задрожал.

Когда он умолк, растроганный Степан кинулся обнимать и целовать любимца. Мавр от такого бурного проявления чувств хозяина даже застеснялся.

— Ну, друг! Не ожидал! Ну ты выдал! Певец! — взволнованно бормотал охотовед.

— Похоже, в нем есть волчья кровь, — резонно заметил Макарыч.

— Да ты что! На хвост посмотри — чистокровная лайка, — возмутился охотовед.

Разговор прервала поспевшая пшенная каша с салом. Вася съел свою порцию и украдкой глянул в котелок.

— Не стесняйся, сынок, доедай. Тебе не повредит — вон какой худой, — ободрил Макарыч.

Подновив захиревший было костерок, студент выскоблил котелок до дна. Чем выше поднималось пламя, тем яснее проступали колеблющиеся стволы кедров. Глядя на их игру, паренек заснул. Степан еще какое-то время сидел, наблюдая за волшебной пляской вихрастых протуберанцев, но безжалостный сон свалил и его. Подбросив сучьев, Макарыч укрыл обоих плащ-палаткой и устроился рядом.

Васе снилось, что он стоит в толпе людей. К ним подползает паукообразное чудище. Оно хватает и поедает стоящих рядом одного за другим и уже подбирается к нему. Вася бежит, бежит и оказывается в дремучем лесу. Чудище, почти догнавшее его, неожиданно останавливается. Оно почему-то боится зайти в лес. Воспользовавшись заминкой, Василий вбегает в стоящий среди деревьев необычный дом: его стены и крыша совершенно прозрачные. Откуда-то появляются люди в касках и начинают стрелять по дому из ружей. Вася мечется по комнатам, но спрятаться нигде. Он слышит приближающийся вой, но вместо волка появляется громадная россомаха. Она сгребает этих стрелков, как муравьев, и проглатывает их...

В эту ночь и охотоведу снился странный сон: какие-то уродливые создания, похожие на доисторических бронтозавров. Они напали на его жену и дочь, когда те собирали грибы. Женщины сумели увернуться и с криком бросились в разные стороны. Степан мчится на помощь, но не видит их. Слышит только крики: «Папочка, ты где?», «Степа, помоги нам!» Степан пытается бежать, но ноги не повинуются. Он уже не идет, а еле-еле двигает ими, словно к ним приковали многопудовые гири.

От ужаса охотовед открывает глаза. Спина и лоб в холодном поту. Степан пожегся. Медленно пообеда взглядом густую паутину из ветвей и листьев, спящих рядом товарищей, сообразил, что это всего лишь сон. Тем не менее он так и не смог успокоиться. Встал и направился к ручью умыться. Его догнал Вася.

— Степан Ермилыч, я вот тут все думал, думал о том, какой росомеха нужный и полезный зверь... Может, вторую ловить не будем, а? Вы же говорили, что завка на одну.

Лицо охотоведа посветлело. Он улыбнулся и обнял парнишку:

— Ты прав! Пусть бегают...

С той поры росомеха не появлялась в селе. Как будто между ней и людьми было заключено негласное мировое соглашение.

ОДИНОЧЕСТВО

Пышка видела, как Угрюмого длинной палкой стянули на землю. Как псы набросились было на него, но двуногие почему-то отогнали их. После этого собаки ринулись к ней. Их злобный лай не предвещал ничего хорошего. Когда перед ней замаячила петля, Пышка поняла, что если не покинет дерево, то тоже угодит в руки двуногих.

Решение пришло мгновенно: резкий, пружинистый толчок сильных задних лап — и она, пронесаясь торпедой по воздуху, закачалась на ветке соседнего дерева, и тут же последовал прыжок на следующее. Прогредел гром. Ногу обожгла боль, но росомеха не обращала на это внимания: она была сосредоточена на том, чтобы не сорваться. Еще прыжок! Еще!.. Ура! Получается!!!

В росомехе проснулись таившиеся в самых глубинных слоях генетической памяти способности предков: прилагая отчаянные усилия, она совершала прыжки с дерева на дерево, преодолевая пронзившую бедро боль. Ее выручило то, что перед первым прыжком она находилась достаточно высоко. Ранение и невероятное напряжение сил вскоре стали сказываться. Перемахнув на очередное дерево, Пышка не удержалась и полетела вниз. В падении как-то исхитрилась ухватиться за самую нижнюю ветвь и перебраться по ней к стволу. Припав к шершавой коре, прислушалась. До нее донесся приближающийся лай.

На прыжки уже не было сил. Спускаться на землю опасно. Росомеха полезла вверх. Вдруг передняя лапа провалилась в пустоту. Там оказалось дупло. Просунула голову — ствол полый. Какая удача! Лучше убежища не сыскать! Росомеха быстро расширила зубами отверстие и нырнула в спасительную тьму. Внутри пахло древесной трухой, смолой и сободем — похоже, часто тут отдыхает. Дно дупла оказалось мягким от осыпавшихся гнилушек. Беглянка свернулась на них и погрузилась в целостный сон. Колоссальное физическое и нервное напряжение дали знать: она проспала почти сутки.

Разбудил ее голод. Попытка встать отдалась болью в правом бедре. Лежа на подстилке, росомеха, чтобы размять простреленную мышцу, стала потихоньку двигать ногой. Одновременно прислушивалась к звукам, доносившимся снаружи. Тихо! Только в кронах шелестит ветерок. Осмелев, Пышка привстала и высунула морду из дупла. Тщательно «ощупала» чутким носом воздух. Повертела головой. Ничего подозрительного. В лесу текла обычная жизнь. Деловито сновала сойка, долбил трухлявую осину дятел, с быстротой молнии пронесся по валежине с набитыми в защечину орешками неугомонный труженик бурундук. Ни одного постороннего звука и запаха. Едва улавливался лишь легкий, почти выветрившийся кисловатый дух человеческого пота. Росомеха понимала, что оставаться на острове опасно — раз двуногие нашли сюда дорогу, они не оставят ее в покое.

Цепляясь когтями за ребристую кору, она спустилась по стволу вниз головой и, припадая на поврежденную лапу, вышла на берег и переплыла на другую сто-

рону в пихтач, густо обвешанный сизыми космами лишайника. Подлесок и трава под его почти непроницаемой для солнечных лучей кроной отсутствовали. Землю сплошь устилал мох и рыхлый слой хвои. Пышка ступала по нему как по мягкой лисьей шкуре — совершенно неслышно.

Нагерпевшись страху, она вздрагивала от малейшего шороха. Услышав что-либо подозрительное, замирала. Зорко всматриваясь вглубь леса, жадно принюхивалась к приносимым ветром запахам. В основном, это были запахи белок: похоже, здесь хороший урожай орехов. Вон суется одна, вторая... Куда ни повернись — везде белки. Шебуршат по стволам, возятся с шишками в кронах, копошатся с упавшими на земле. Кто с урканьем, кто с цоканьем, а те, что постарше, — молча. На Пышку даже не глянут — видимо, чувствуют, что ей не до них.

Росомаха пересекла чащобу и направилась к речке. Знала, что там проще всего найти что-либо съестное. По пути, подчиняясь внутреннему голосу, разыскала нужное растение. Разжевав несколько кисловатых листьев до кашеобразного состояния, втерла их языком в рану.

Послышался хруст сучьев. Пышка, припав к земле, замерла. Зашевелились кусты, раздвинулись ветки, и в просвете она разглядела оленя-первогодка. Увидев застывшую росомаху, он от неожиданности высоко подпрыгнул на месте и, пособачьи «пролаяв», сиганул, приминая подрост, обратно.

Преследовать даже такого молодого оленя раненая Пышка не могла. Она двинулась вдоль берега и вскоре увидела греющееся на солнцепеке утиное семейство: родители и пять птенцов-пуховичков. По хохолку на коричневой головке и узкому, на конце слегка загнутому клюву Пышка узнала в них крохалей и стала подкрадываться. Когда до птиц оставалось два прыжка, бдительный папаша все же засек ее. Прозвучал сигнал тревоги и утки сыпанули в воду.

Что тут началось! Отец и мать, призывно покрякивая, часто-часто зашлепали по зеркальной глади крыльями и ринулись на стремнину. А птенцы, поспевая за ними, так старательно и быстро махали почти бесперыми крылышками и перебирали по воде перепончатыми лапками, что их крошечные тельца казались малюсенькими глоссерами.

Обескураженная Пышка поковыляла дальше. Выискивая поживу, она подходила к каждому кустику, бугорку, валежине. Первое, что росомаха обнаружила, — обглоданные кости кабарги. Она тут же с жадностью сгрызла их. Увидев, что из-под пня выползают земляные осы, расширила канал к гнезду с личинками. Но эти крохи только раззадорили аппетит. Вскоре ей повезло — вышла на полянку с грибами, где наконец смогла до отказа набить желудок. Теперь можно было, спасаясь от гнуса и облепивших рану мух, подняться на скалистый, хорошо обдуваемый ветром утес.

Вытянувшись на прохладной глыбе, росомаха прикрыла глаза. Она лежала, не шелохнувшись, так долго, что ворона сочла ее околевшей. Сев на ветку, вещунья торжествуя закаркала. На ее призыв слетелись подружки и, обманутые неподвижностью зверя, стали, подпрыгивая, подступать все ближе. Тут уж Пышка не оплошала: выметнувшаяся молнией, когтистая пятерня схватила птицу, когда та нацелилась клювом в глаз.

Быстро заживают раны у зверей. Окрепшая росомаха решила пройтись по разбросанным на ее участке «складам». Поскольку для дальних переходов силенок было еще маловато, отправилась к самому ближайшему, с заячьими тушками, добытыми у Белоголового.

Когда подходила, запахи, приносимые ветром, предупредили о том, что люди близко. Точно, вон и собачий лай донесся. «Опять за мной!» — решила росомаха и поспешно свернула к другому схрону. В этот момент неподалеку с земли поднялась,

громко хлопая крыльями, пара тетеревов, но Пышка была настолько встревожена, что даже не глянула в их сторону.

Несмотря на то что следующую кладовую росомаха устраивала еще весной, вышла к ней, благодаря цепкой памяти, безошибочно. Глубокая траншейка, вырытая на северном склоне холма и прикрытая сверху толстым слоем мха, хорошо сохранила оленину. От нее исходил лишь легкий, обожаемый Пышкой душок. Учувя его, она потеряла власть над собой: предвкушая наслаждение от предстоящей трапезы, принялась, урча, тереться о мясо щекой.

Часть съела сразу, а остаток закопала обратно. Его ей хватило на несколько дней. Еще одну неделю продержалась у склада в кедровом стланике, широко разросшемся по склону отрога. Эти невысокие, в рост человека, деревья напоминали огромных пауков, раскинувших гибкие мохнатые лапы во все стороны. Переплетаясь, они образовывали непроходимые для копытных, а уж тем более для двуногих, заросли. (Поздней осенью стволы кедрового стланика полегают, прижимаясь к земле, и, укрытые толщей снега, выдерживают самые суровые морозы.)

Верхушки спутанных, словно волосы неряхи, веток уже украсили зеленовато-фиолетовые шишечки, в которых зрели мелкие, но необычайно сытные и вкусные молочные орешки. Разогретая на солнце хвоя благоухала бодрящим ароматом смолы. Над обширными полями стланика возвышалась скалистая гряда. Пышка, как и все ее соплеменники, любила побродяжничать, и лишь только окрепла, полезла на нее поглядеть, что скрывается за зубчатым гребнем.

Взобравшись, осмотрела открывшиеся дали. За текущей внизу речушкой возвышался очередной хребет, иссеченный сетью распадков и ложбин. Единственным звуком, тревожащим царящую вокруг тишину, был клекот орла, восседавшего на каменном уступе.

Полуденное солнце жарило так, что на него и глянуть было боязно — ослепит. Спустившись в падь, Пышка заметила лиса. Пересекая полянку, он то и дело замирал, прислушивался. Вдруг высоко подсакивал и, перегибаясь в воздухе, отвесно пикировал в траву. Делая при помощи взмахов хвоста резкие развороты влево-вправо, выхватывал из путаницы стебельков мышку. А съев, возобновлял охоту.

Понаблюдав за этими прыжками-свечками, Пышка двинулась дальше. У ручья, ступенчатыми каскадами сбегавшего с гор, она взбралась на глыбу, облепленную накипиями лишайника, и улеглась на нее в ожидании сумерек, когда зверье выходит кормиться. Вокруг порхали желтокрылые бабочки. Шуршали прозрачными крыльями стрекозы. Летая парами, одна над другой, они играли, ласкаемые солнечными лучиками: то, поднимаясь вверх, растворялись в воздухе, то плавно барражировали над землей. Откуда-то выскочил неутомимый трудяга бурундучок и изумленно уставился на росомаху черными глазками-бусинками. Стоило Пышке шевельнуться, как он исчез с непостижимой быстротой.

ВДВОЕМ

Казалось бы, все складывалось удачно, но Пышке было тоскливо и неприятно. Заканчивалось время брачных игр, а она все еще одна. У любого живого существа есть потребность не только в пище и безопасности, но и в продолжении рода. Ведь как хорошо, когда рядом есть кто-то, к кому можно прижаться, приласкаться; вместе загнать добычу, сытно поесть, выкормить потомство. С Косматым они прожили с перерывами меньше года, а Угрюмый и вовсе промелькнул в ее жизни как молния: едва сошлись, как двуногие поймали его.

Сколько вокруг витает запахов, но среди них нет даже намека на запах самца. Пробежала соболюшка. У комля кедра она вдруг остановилась и, присев на выступающий корень, принялась чистить языком шерстку. Сзади к ней подкрался соболь. Соболюшка делала вид, будто не замечает его. Приблизившись, он прыгнул на нее. Та выскользнула из цепких объятий ухажера и сама зажала его голову под мышкой. Соболь стал извиваться, а освободившись, обхватил подругу «вокруг талии» двумя лапами и крепко прижал. Соболюшка широко раскрыла рот — Пышке показалось, что та смеется. Когда игра закончилась, парочка расцепилась и, с нежностью прижимаясь друг к другу, устроилась в тенечке. Вскоре самка, помахивая хвостом, отправилась в убежище под корнями. Кавалер последовал за ней.

Пышка вздохнула:

— Хорошо вдвоем!

От этой мысли она встрепенулась и побежала ныряющим галопом. На следующий день порыв ветра донес до нее запах сородича. Он становился все явственней. По характерной резкости определила — самец! Вот и следы. Матерый!

Смеркалось, но росомаху приближение ночи не пугало. Своему носу она доверяла больше, чем глазам. Следы самца беспорядочно петляли по тайге. Где же «выходной» след? Тут к волнующему запаху примешался лосиный дух. Он был так силен и столь крепко сдобрен запахом крови, что Пышка не удержалась и пошла на него.

Метров через сто увидела торчащие из травы беловатые кончики рогов и шерстистый бок. Обрадованная росомаха от восторга несколько раз перевернулась через голову: такая гора мяса гарантировала пропитание надолго. Только надо будет не полениться и побольше прикопать.

С трудом разорвав толстую шкуру, Пышка с жадностью глотала кусок за куском. Насытившись и немного передохнув, принялась растаскивать мясо по схранам. Обустраивать их было непросто. Приходилось рыть глубокие траншейки. Мешали корни, камни, но крепкие когти и зубы делали свое дело. Чтобы свежие раскопки не бросались в глаза, присыпала их листьями, пучками травы, древесным хламом. Иногда, для верности, заваливала камнями.

Крупный самец росомахи вышел к месту пиршества Пышки в тот момент, когда та отгрызала «серьгу»*. Росомаха с нескрываемым восхищением уставилась на пришельца. Ее глаза заблестели. В них читалось: «Как хорош! Впервые вижу такого красавца!»

По ее телу волной пробежало сладостное томление.

Чтобы лучше разглядеть самца и запомнить его запах, она обошла гостя вокруг. Тот в ответ обнажил в «улыбке» белые клыки и поглядывал на нее с неменьшим интересом. Пышка, стремясь обольстить кавалера, сделала несколько игривых прыжков и замерла. Между ними как бы проскочила искорка. Но они еще долго изучающе посматривали друг на друга, демонстрируя движениями и взглядами сходные желания. Но, когда Пышка попыталась подойти к Клыку поближе, он повел себя весьма странно.

— Это мой участок! Я тут хозяин, — проворчал он и угрожающе поднял губу. Пышка в ответ с довольной мордашкой посмотрела по сторонам, точно говоря:

— Твой так твой! Мне у тебя нравится, — и мелким бисером просеменила к самцу. Положив голову на его шею, нежно потерлась и заурчала, окончательно рас-

---

* *Серьга — мясистый нарост под горлом с кулак величиной. Как и рога, имеется только у самцов.*

топив сердце сурового Клыка. С этого дня они почти не разлучались. Их любовные игры, напоминающие то ли объятия, то ли борьбу, продолжались несколько дней.

Постоянно курсируя по участку, Клык не забывал освежать метки: подняв хвост, прыскал несколько капель из мускусной железы или мочился на пенек, кочку. Спускаясь по склону, просто прижимался задом к траве. Никто из соплеменников не имел права нарушить границ его владений. Случалось, правда, забредали, но с соседями все решалось миром, а вот если появлялся чужак, он тут же безжалостно изгонялся.

Отдыхать парочка забиралась на макушку изъеденной временем скалы. Когда садилось солнце и по тайге разливались мягкие сумерки, росوماхи выходили на охоту. Хищники избегают яркого дневного света. Их любимое время — полумрак либо лунная ночь. Именно тогда в лесу, погружающемся в вечернюю прохладу, просыпается жизнь — и для хищников наступают самые добычливые часы.

***

Сентябрь выдался теплым и сухим. О приближении холодной поры напоминали лишь печальные крики пролетающих на юг гусиных стай. Клык с Пышкой теперь не утруждали себя охотой: питалась преимущественно в изобилии уродившимися ягодами. Мясистая голубика, правда, давно отошла, зато на старых горельниках поспела кисло-сладкая брусника, а на мшистых марях — полная терпкого кровянистого сока клюква. Прежде Пышка не обращала на нее внимания, но, глядя с каким аппетитом поедает эту ягоду Клык, попробовала. Оказалось, что очень даже вкусно.

После первых заморозков на ягодники слетелись дружные стайки куропаток. Они так раскормились, что с трудом поднимались в воздух. Теперь добыть осторожную курочку, а тем более петушка не составляло особого труда. Наевшись нежного белого мяса, росوماхи от избытка сил приступали к любимым акробатическим упражнениям: кувыркались, боролись, высоко подпрыгивая, гонялись друг за дружкой.

Спать забирались в курумник*. Там их никто не тревожил, тем не менее Клык всегда был начеку. Перед тем как лечь, вставал на задние лапы. Прощупав глазами округу и убедившись, что все спокойно, прижимался к свернувшейся калачиком возлюбленной. Спал чутко: одним ухом дремал, другим слушал шум леса, возню мышей, скрежет кедровок. Стоило появиться постороннему звуку, как он тут же поднимал голову и осматривался.

Вот раздался чуть слышный треск, а Клык уже весь внимание. Ничего страшного — кабарга! Изящный олененок на тонких, как карандашики, ножках осторожно пробирается по краю сизого, обвешанного лишайниками, ельника. Вместо рогов у него из-под верхней губы почти вертикально вниз торчат тонкие и очень острые, наподобие кабаньих, клыки. Он то и дело останавливается, чтобы отщипнуть свисавший с веток лишайник. Но сытый Клык даже не шевельнулся. Проснувшаяся вскоре Пышка сразу уловила в воздухе запах кабарожьей струи и посмотрела на спутника с упреком: «Как же ты, милый, проспал?! Ай-яй-яй!»

Вообще-то ей грешно было обижаться на кавалера. С ним Пышка никогда не знала голода.

В октябре оголенную тайгу накрыли затяжные дожди. Из тяжелых низких туч непрерывно сыпала холодная морось, кутая склоны хмурых сопок в белесую муть. Потянулись дни скучные и однообразные.

---

* Курумник — россыпь крупных камней.

Снег выбелил окрестности в одну ночь. Горы, казалось, приблизились, речка стала как будто шире, а серые пласты облаков опустились так, что Пышка то и дело поглядывала вверх: не цепляют ли они острые макушки елей? «Белые мухи» продолжали и днем сыпаться на тайгу.

Глухарь, набив зоб сосновой хвоей, уселся на опущенную снегом ветку. Под весом грузной птицы та резко качнулась и, осыпая сугроб серебристым шлейфом, мгновенно прорисовалась зеленым скелетом.

Пышка всегда с нетерпением ждала этого праздника света. Помимо приятной пухлости снежного покрова, ей нравилось то, что на нем отчетливо заметны следы. И вот сейчас они с Клыком с любопытством, как будто впервые, оглядывали отпечатки своих лап, по форме напоминающие каплю с широким веером от длинных когтей.

Морозы за несколько дней утихомирили речку, накрыв ее хрустальной броней. Тайга и ее обитатели застыли в зимнем оцепенении. Лишь косая строчка следов горноста́я была короткой, едва приметной восточкой жизни. А вон и сам зверек вынырнул и через несколько метров вновь исчез в снежной толще.

Временами на тайгу накатывали такие волны холода, что перестрелка лопающихся от стужи деревьев не прекращалась ни на минуту. Но росوماхи от морозов не страдали. Они с осени облачились в теплые шубы с красиво струящимся мехом. От Клыка теперь вообще невозможно было отвести взор — до того он был великолепен!

Шуба шубой, но, чтобы не замерзнуть, требовалось мясо. И чем крепче мороз, тем больше. Неумоимо рыская по лесу, Клык выследил оленя. Провислая спина и понуро опущенная голова с корявыми рожками выдавали его почтенный возраст. Стоя в тальнике, тот настолько погрузился в свои старческие думы, что даже не слышал крадущихся шагов. Когда же в застывшем воздухе наконец почуял росумаху, бежать было поздно. Тем более что путь к бегству преграждала вторая росумаха. Оставалось одно — выскочить на реку. На отполированном ветрами льду копыта предательски расплзлись, и бедолага завалился на бок.

Росумахи же чувствовали себя на скользкой поверхности как заправские фигуристы. Запрыгнуть на беспомощно барахтающееся животное и перегрызть ему шейную артерию для Клыка было минутным делом.

Когда рогач затих, хищники принялись рвать добычу. Их железные челюсти работали мерно и сосредоточенно. Масляные от нарастающей сытости глаза Пышки сладко щурились.

На запах крови слетелись вороны. Рассевшись на склонившейся над рекой березе, они, прыгая с ветки на ветку, нетерпеливо ожидали, когда хищники наедятся и уйдут. Но те даже отдыхать устроились тут же, на льду. Как только какая-либо из ворон садилась на оленя, Клык вскакивал и, злобно оскалившись, отгонял. Настал день, когда парочка догрызла последнюю кость, и надо было искать новую поживу. Однако удача покинула их: все погони и засады были безрезультатными. Во время очередного затяжного снегопада звери и вовсе попрятались по норам и убежищам. За три дня парочка не встретила ни одного следа, не выследила ни единого, сулящего пищу, запаха.

Лишь на четвертый им попалась заячья сбежка. Распутав хитроумные петли и гигантские прыжки вбок, росумахам удалось обнаружить закопавшегося в снежную толщу беляка. Косого выдали черные кончики ушей. Заройся тот поглубже, ни за что бы не нашли. Правда, с прыжком Клык оплошал — в когтях остался лишь клок белой шерсти.

Подхлестываемый страхом смерти здоровущий беляк, убегая, так далеко заносил ноги вперед, что туловище вставало почти перпендикулярно к земле. И, чтобы не опрокинуться, ему приходилось все время тянуть голову вниз.

Парочка, не раздумывая, кинулись в погоню. Бежать по пушистому, несслежавшемуся снегу даже широколапым росомах было трудно. Они решили воспользоваться присущей зайцам манерой уходить от преследования, бегая по кругу.

Клык продолжил погоню размеренными прыжками, а Пышка залегла за валежину у тропы. Когда неумолимый «скороход» поравнялся с ней, она расчетливым прыжком опрокинула его на снег и прокусила затылок.

Во время одной затяжной метели, когда все живое, как обычно, попряталось, на их участок откуда-то забрело стадо северных оленей. Что побудило их перекочевать на заваленные снегом горы, для росомах было загадкой. Ведь здесь, чтобы докопаться до ягеля*, беднякам приходилось долго и нудно копытить сыпучую толщу. Особенно тяжело доставался ягель неокрепшему молодняку. После ночевки на снегу стали оставаться их замерзшие тела. Для росомах же глубокий снег был союзником. Заботы о пропитании сменились заботами о том, как понадежней спрятать дармовое мясо. Февраль превратился в бесконечное пиршество. Под шубами супругов появился довольно приличный слой жира. Тем не менее Пышка стала все чаще разнообразить мясной рацион хвоей сосен и корой молодых деревьев: приближалось время щенения и ей требовались витамины.

ПОТОМСТВО

Хотя морозы по ночам еще кусались, солнце начало потихоньку плавить поверхность снежных надувов. С разлапистых елей все чаще шумно опадала комьями снежная кухта. Вокруг темных стволов снег проседал, образуя глубокие воронки. Если день был особенно теплым и снег подтаивал, то за ночь он схватывался льдистой коркой. Этим спешили воспользоваться волки. По наступу они легко догоняли и оленей, и лосей. Не доев одну жертву, на следующий день резали еще и еще. Такая безрассудная алчность серых с одной стороны вызывала недоумение у росомах, а с другой — радовала, поскольку обеспечивала пропитанием и их.

В один из пасмурных, ветреных дней Пышкой вдруг овладело беспокойство. Малыши в утробе так разбуянились, что она вынуждена была время от времени ложиться. В конце концов, росомаха забралась под ветви кедрового стланика и замерла, прислушиваясь к мягким ударам изнутри. Нетерпеливый Клык попытался побудить подругу продолжить поиски добычи, но Пышка так глянула на него, что он тут же принялся копать в снегу пещеру. Малыши тем временем успокоились. Росомаха встала и решительно направилась к лесистому нагорью. Клык безропотно зашагал следом.

В закрытом с трех сторон скалами тупичке Пышка остановилась. Супруг все понял: принялся рыть в мощном снежном надуве родовую берлогу. За несколько часов работы прокопал туннель длиной метров десять с двумя отдушинами в потолке. Внутри устроил три камеры: гнездовую, продуктовую и уборную*. Самая просторная — гнездовая. Кладовая и уборная — поменьше. Единственный вход в логово представлял собой овал размером тридцать на сорок сантиметров. Все

---

* Ягель похож на лишайник, но относится к грибам. Он очень богат белками.

** Летом росомахи постоянных убежищ не имеют. С наступлением холодов устраивают временные убежища: роют неглубокие норы либо используют естественные углубления. Только перед родами они роют долговременные снежные берлоги, сходные с берлогами белых медведей. Длина туннеля к гнездовой камере может колебаться от пяти до тридцати метров.

приметные пеньки и неровности в окрестностях парочка пометила, где мочой, где калом.

Под утро на свет появились три мокрых комочка, облепленных реденькими волосками дымчатого цвета. Малыши были слепы и совершенно беспомощны. Единственное, что они умели — ползти на запах молока. Насосавшись, затихали у лохматого подбрюшья между теплых, широких лап матери. Пока они спали, Пышка тщательно вылизала их.

Клык же поспешил на охоту. За ночь развиднелось. Снег под лучами солнца искрился так, что слепил глаза. Света много, но тепла еще мало.

Обнаружив свежие следы косуль, Клык, размашисто «ныряя», пустился в погоню. Увидев росомаху, грациозные олешки, взметая снег, в ужасе бросились враспынную. Прыгали врастяжку, словно камешки-голыши по воде. Вычислив по частым, беспорядочным прыжкам самую слабую особь, Клык погнался за ней. Бежал без надрыва, ибо знал, что как бы косуля ни старалась, наступит момент, когда она встанет.

По первости поджарая козочка, легко взмывая над снежной периной, далеко оторвалась. Но с каждой минутой ее прыжки становились все ниже и короче. Острые кромки наста секли шкуру ног, особенно передних. На колотых льдистых пластинках появились алые пятнышки. И вот уже беглянка перешла на мелкий, путающийся шаг. Взмыленные бока колыхались часто-часто, язык вывалился от изнеможения. Когда последние силы покинули косулю, она встала. Услышав сиплое дыхание приближающейся росомахи, опустила изящную головку и обреченно ожидала развязки. Сокрушительный удар по крупу опрокинул животное на снег... Клык отгрыз заднюю ногу и понес ее в логово.

Пышка, переполненная материнским счастьем, дремала в полутьме. У сосков, наполовину утонув в теплой, мохнатой шубе, сладко почмокивая крошечными ротиками, посапывали малыши. Розовые, с тонкой кожицей животики сыто раздулись. Учув дразнящий аромат мяса, мамаша приподняла голову. Осторожно освободившись от сосунков, она с жадностью набросилась на еще не остывшую добычу. Насытившись, посмотрела на кавалера глазами, полными благодарности.

Через несколько дней шерстка у детенышей закурчавилась и приобрела кремовый цвет с темными крапинками на лапках. Малютки пока еще были вялыми, малоподвижными. Большую часть времени дремали. Просыпались лишь для того, чтобы отыскать в густой шерсти упругий сосок и поесть.

Родители растили своих отпрысков по-спартански: щенки лежали без подстилки прямо на голой земле. Старший был самым крупным среди них. Еще его выделял крутой, широкий лоб. Слезающиеся глазки только начали открываться, а он уже видел. Нечетко, но видел. Братья же еще с неделю были незрячими и находили мать — источник тепла и пищи — по запаху. Это преимущество помогало Лобастому опережать остальных при поиске самого щедрого на молоко соска.

Когда наконец прозрели и братья и стали посягать на его права, первенец злился и решительно отталкивал конкурентов головой. Если такой маневр не помогал, отпихивал лапами. А уж если кто пытался огрызаться, Лобастый хватал бунтаря едва прорезавшимися зубками за ухо и принимался теревить, таскать из стороны в сторону, урча сквозь стиснутые челюсти.

Средний брат, добродушный увалень, в таких случаях не сопротивлялся. Дождавшись конца трепки, продолжал делать намеченное. Больше всего доставалось от Лобастого последышу. Как только мать засыпала, он, набычив голову, теснил младшего к снежной стенке, не давая ему возможности вдоволь насосаться. Через несколько дней малыш до того ослаб, что так и остался лежать там.

Когда Клык вернулся с охоты и увидел его, скрючившегося в углу камеры, он взял отпрыска в пасть, чтобы переложить к Пышке, но, поняв, что детеныш мертв, вынес наружу и зарыл в снег.

Сосунки постоянно требовали молока и тепла. Поэтому Пышка редко покидала логово. Да и не было в том нужды: Клык исправно обеспечивал ее мясом. Однако вскоре он стал пропадать. Как-то его не было целых три дня. Рассерженная Пышка укусила его за ухо, но Клык в ответ стал отлучаться еще чаще. Ей пришлось смириться с охлаждением отношений. Тем более что малыши с каждым днем требовали все больше пищи.

Однажды, перед уходом, Клык глянул на Пышку таким безучастным взглядом, что она поняла — он не вернется. Принесенной им зайчатины хватило ненадолго. За пару дней были раздроблены и сгрызены все скопившиеся от прежних обильных трапез кости. Молоко у Пышки пошло на убыль. Ребяшня не наедалась. Будь в живых все трое, братьям пришлось бы совсем худо. Голодные вопли росомашат вынудили Пышку оставить малышей и идти на охоту. Следов, заслуживающих внимания, не оказалось: Клык основательно «зачистил» эту территорию. Удалось поймать лишь перебежавшую по снегу к куче валежин мышку.

Надо было искать поживу вдаль от логова. Вскоре ей повезло: поймала двух зайчат. Голод утолила, но, чтобы выкормить малышей, нужна была более крупная добыча. Росомаха обошла устроенные вместе с Клыком в пору изобилия «схроны», но они оказались пусты — бывший кавалер уже опустошил их. Пришлось вернуться к голодным детям и хоть скудно, но покормить их. Через день голод и недовольный писк отпрысков опять погнали ее на охоту. Теперь она отправилась за соседний отрог. Там в изголовье одного из распадков имелся часто посещаемый оленями соленый ключ.

При спуске с косогора ей почудился запах мяса. Принюхавшись, определила, что он доносится из пещерки, образованной вывороченной с корнями ели. Проход в нее преграждали два толстых, ровно обрезанных ствола. Один из них лежал на земле, второй наклонно нависал над ним. В глубине, под сложенным шалашиком пластом земли, в полумраке виднелись кусок мяса и тушка рябчика. Добраться до этого богатства можно было только протиснувшись между бревен.

Подлетела сорока.

— Чэп-цэп, чирп-черек! Опасно! Опасно! — прыгая с ветки на ветку, спокойно затараторила лесная болтушка.

Долго стояла росомаха в нерешительности. Она и без сороки понимала, что неспроста проход к мясу перекрыт бревнами. Еще раз тщательно принюхалась. Запаха металла не было. Нос улавливал только будоражащий аромат мяса. Тем не менее благоразумие взяло верх: Пышка продолжила путь к солончаку. Но тот не оправдал ожиданий — ни одного свежего следа. Последний — трехдневной давности. Тропить его не было смысла.

Что же делать? Ослабленной голодом росомаше трудно было продолжать поиск добычи. А перед глазами постоянно всплывало обнаруженное на косогоре мясо. Выбора нет — детей кормить надо! Рискну!

Вернувшись к странному сооружению, Пышка осторожно протиснулась между бревен и, ухватив рябчика, тихонько потянула его на себя. В тот же миг на нее рухнуло что-то тяжелое. Раздался хруст. Пышка рванулась, но тело проггла такая боль, что она на время потеряла сознание.

Очнувшись, росомаха попыталась выбраться, но задние конечности не слушались. Пышку охватил панический страх, однако материнский инстинкт быстро подавил его. Упираясь передними лапами в нижний ствол, она, раздирая шкуру,

чуть-чуть продвинулась вперед. Еще чуть-чуть! Еще!.. Все! Шкура на крестце содрана, зато она на свободе!

Переведя дух, бедняжка попыталась встать, но задние лапы по-прежнему не повиновались. Она их даже не чувствовала. Росомаха торопливо съела рябчика, следом кусок мерзлой оленины и, загребая снег передними лапами, поползла. Задние безвольно волочились следом. Но сейчас все было подчинено одной цели: добраться до потомства!

Когда она ползла по склону вверх, за ней оставалась взбитая лапами бугристая снежная траншея. Зато вниз росомаха, благодаря длинной, гладкой шерсти, скользила, оставляя за собой лишь неглубокий желоб. Самым трудным оказался подъем на террасу перед логовом.

Росомашата встретили мать жалобным скулежом. Напрягая последние силы, она подползла к ним. Почуввав тепло и запах молока, малыши зашевелились и, толкая друг друга, вцепились каждый в свой сосок. Насытившись и согревшись, они сладко засопели.

Через четыре дня Пышка околела. До последнего вздоха она кормила своих детенышей. Те еще долго жались к остывшему телу матери, яростно теребя холодные соски.

